

ПОΛΙΤΕΙΑ

На греческом примере этот тезис проиллюстрирован в: Петрунина О. Е. «Великая идея» в Греции как политическая программа // Полития. 2002. № 4. – С. 57–67.

¹ Кенан Дж. Ф. Кризис на Балканах (1913 и 1993) // Дружите балкански войни. Изследоване на Фондация «Карнеги» от 1913 година в исторична перспектива с нов увод и размисъл върху съвременния конфликт на Дж. Ф. Кенан. – София, 1995. – С. 8.

² Миллер А. И. Национализм как теоретическая проблема (ориентация в новой исследовательской парадигме) // Полит. 1995. № 6. – С. 55–56.

³ Наиболее распространённой является точка зрения, что подъём национально-го самосознания балканских народов предшествовал формированию национальных государств, однако ряд публикаций обосновывает идею о том, что появление национальных идей было не причиной, а следствием создания первых национальных государств. См. напр.: Μεταλληνός Γ.

О.Е. Петрунина

«ВЕЛИКАЯ ИДЕЯ» И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА БАЛКАНАХ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ*

Обострение межнациональных противоречий на Балканах в конце 1980-х – начале 1990-х годов, вылившееся в серьезный региональный конфликт, породило хрестоматийный вопрос: кто виноват? И если журналисты отвечали на него сообразно своей политической ориентации, то представители академических кругов, попытавшиеся найти ответ *sine ira et studio*, пришли к малоутешительному выводу о равной ответственности всех народов полуострова за сложившуюся ситуацию¹. Между тем этот ответ также мало продуктивен с точки зрения разрешения конфликта, как возложение вины на какую-либо из сторон. Необходимым условием поиска решения является всесторонний анализ взаимоотношений (не только дипломатических и военных) между самими народами полуострова и участия в балканском конфликте иностранных (небалканских) государств.

По мнению некоторых исследователей «националистический дискурс является сегодня доминирующим практически во всем мире»². Даже если эта оценка преувеличена, вопрос о том, какую роль играют национальные идеологии в развитии событий на Балканах, не теряет своей актуальности.

Зарождение национальных идей у балканских народов восходит к эпохе формирования первых национальных государств на Балканах, причем до сих пор остается открытым вопрос, что же появилось раньше – национальная идея или национальное государство³. Вне зависимости от решения этого вопроса, можно считать бесспорным тот факт, что с того времени и по сей день национальная идея оказалась наиболее живучей идеологией, во многом определившей пути развития балканских народов. Не случайно у греков синонимом национальной идеи стал термин «Великая идея»⁴.

Первыми балканскими народами, создавшими национальные государства, стали сербы и греки, имеющие и общий год рождения национальных идей: в 1844 году Иоаннис Колеттис заявил в парламенте о наличии у греков «Великой идеи», а Илья Гарашанин высказал идею создания Великой Сербии. Это не значит, что сербская и греческая национальные идеи родились внезапно – этому предшествовала длительная подготовительная работа. Но 1844 год стал отправной точкой превращения историко-философских концепций, обсуждав-

*Τουρκοκρατία:
οι Έλληνες στην
Οθωμανική
Αυτοκρατορία. –
Αθήνα, 1988;
Ρωμανίδης Ι.
Ρωμηοσύνη,
Ρωμανία,
Ρουμέλη. –
Αθήνα, 1975.*

⁴ Именно в качестве синонима национальной идеи этот термин и используется в статье.

шихся лишь узким кругом интеллектуалов, в массовые идеологии, на базе которых стали формироваться политические программы. Ко второй половине XIX столетия относится зарождение албанской и болгарской, а к концу столетия – македонской национальных идей.

С тех пор взаимоотношения национальных идей и государственной власти на Балканах неоднократно менялись: периоды возведения национальных идей в ранг официальных идеологий сменялись периодами их ухода «в тень». Но это не означало, что они полностью сдавали свои позиции. Вскоре после своего появления национальные идеологии на Балканах стали охватывать также и ментальный уровень общественного сознания, что способствовало их выживанию в те времена, когда официальное государство было вынуждено заявлять о своем отказе от дальнейшего национального строительства. Наступление таких периодов было связано с провалом надежд на территориальные приобретения, мотивируемых необходимостью добиться территориально-государственного единства нации. Такие времена наступали, например, в Греции после Крымской войны (1853–1856) и малоазиатской катастрофы (1922), в Болгарии после поражения во второй Балканской войне (1913). Национальная идея была вынуждена покинуть место официальной идеологии и после Второй мировой войны, так как, во-первых, ялтинская система международных отношений сделала невозможным пересмотр границ в Европе, а во-вторых, все балканские государства подверглись идеологическому прессингу со стороны двух сверхдержав.

Однако и в эти времена национальная идея оставалась (и остается) доминантой внутренней и внешней политики, являясь, по сути, управляющей идеологией и оказывая влияние на принятие политических решений. Указанные ниже направления внутренней и внешней политики не утрачивали своего значения и в периоды приобретения национальной идеей статуса государственных идеологий, но во времена отсутствия такового сфера ее влияния ими и ограничивалась. Тем не менее, даже в таком виде направляемая национальной идеей политика, многочисленные примеры которой приводятся в дальнейшем изложении, часто приносила довольно весомые плоды.

В области внутренней политики национальной идеей продиктованы меры по этнокультурной гомогенизации населения и воспитанию у него чувства национального единства в географической и исторической плоскостях и т.д. Основными проводниками этой политики, помимо СМИ, стали учреждения образования и культуры, а также гуманитарные науки. В области внешней политики предпринимаются усилия по формированию международного общественного мнения, благосклонного к притязаниям данной национальной идеи, по укреплению (и даже созданию) национального духа диаспоры, по ведению подрывной работы (вплоть до вооруженной партизанской борьбы) на территории противника и др. Реализация этой политической линии осуществляется главным образом негосударственными организация-

ми, получающими неафишируемую помощь от государства, а также через благотворительные и культурные программы.

В процессе развития национальных идей на Балканах выявилась их типологическая неоднородность. К настоящему времени можно выделить две группы национальных идей в регионе – географические⁵ и цивилизационные. Первая группа доминирует и по числу относящихся к ней «великих идей» и по степени популярности. Географические «великие идеи» были сформулированы всеми без исключения народами полуострова. Для них характерны следующие общие признаки:

– этноцентризм – нация мыслится как основная форма человеческого сообщества и важнейший актер общественно-политического процесса;

– противоречивость представлений о нации – с одной стороны признается типологическое родство своей и других балканских наций со сформировавшимися в новое время европейскими, а с другой своя нация считается гораздо более древней;

– апелляция к историческому прошлому для обоснований своих действий и претензий в настоящем;

– использование национального языка в качестве этноидентифицирующего признака;

– представление о национальном государстве как о высшей форме социально-политической организации нации;

– выдвижение в качестве главной задачи достижение национально-государственного единства;

– подчинение Церкви задачам национального объединения и национально-государственного строительства.

С точки зрения путей решения главной задачи географические национальные идеи в свою очередь делятся на две группы. Первая группа рассматривает объединение всей нации в масштабах единого государства в качестве тактической задачи и настаивает на скорейшей мобилизации всех ресурсов нации для ее решения. Одним из важнейших инструментов этой мобилизации становится пропаганда необходимости внешней экспансии. Вторая группа рассматривает национально-государственное единство в качестве стратегической цели, обязательным условием достижения которой является предварительное внутреннее государственное строительство («органическая работа»), направленное на создание экономически сильного и политически независимого государства. Такое государство призвано стать «ядром нации» и послужить основой дальнейшего «собрания земель» (не обязательно вооруженным путем). Своеобразие эволюции географических «великих идей» заключается в том, что оба пути – внешней экспансии и «органической работы» в зародышевом виде присутствуют во всех балканских национальных идеях⁶, однако, в зависимости от изменений международной и внутривосточной ситуации доминирующее место в конкретных политических программах занимал либо один, либо другой путь.

⁵ Термин заимствован у греческого социолога Д. Цаконаса: *Τσάκωναζ Δ. Ελληνικότης*. – Αθήνα, 1962. – Σ. 85.

⁶ В случае отсутствия национально-государства либо его бездействия «ядро нации» может строиться в виде подпольного парастата, как это было, например, в Косово в 1970–1980-е годы.

Ярким примером географической национальной идеи стала идеология Великой Албании. Впервые с призывом к объединению всех албанцев выступила организованная в 1878 г. Призренская лига, разработавшая карту и идеологию Великой Албании, в период Балканских войн было создано независимое албанское государство (1912). В годы Второй мировой войны призрак Великой Албании обрел реальные очертания в виде образованного на оккупированных землях марионеточного государства. Возглавившие его албанские националисты представляли Великую Албанию в виде географически единого и «этнически чистого» албанского государства. Последнее требование оправдывало политику геноцида в отношении всех неалбанских народов.

Вряд ли есть основания говорить о какой-либо другой трактовке великоалбанской идеологии, кроме географической. Однако, справедливости ради, надо отметить, что упомянутая Призренская лига помимо задачи политико-административного объединения албанцев, проживавших в четырех вилайетах Османской империи – Косово, Шкодре, Монастире и Янине, ставила перед собой также и задачу их культурного объединения за счет общности языка и литературы. Так в 1908 г. появился албанский алфавит. Но решению второй задачи уделялось намного меньше внимания, чем первой. Так что на сегодняшний день албанцы не являются единой нацией – это скорее отдельные этнические группы (геги, тоски, арваниты и др.), различающиеся как в культурном и языковом, так и конфессиональном отношении. Ирония судьбы заключается в том, что албанская агрессивно-националистическая «Великая идея» в последние десятилетия получила поддержку со стороны западных держав, прежде всего США и Германии. Как справедливо замечают ведущие российские аналитики, последние преследуют при этом собственные геополитические интересы⁷.

С Балканскими войнами и Второй мировой связаны попытки территориального расширения Болгарии, что же касается Великой Сербии, то некоторые тенденции к ее созданию прослеживались в югославском государстве. Все вышеупомянутые народы после Второй мировой войны вошли в социалистический лагерь, где официальная идеология утверждала, что классовое единство выше национального. Кроме того, установившаяся в Европе система границ, гарантировалась балансом сил крупнейших держав. В связи с этим сложившиеся к тому времени у большинства балканских народов великодержавные идеологии вынуждены были на время отступить.

В результате ситуация на Балканах стабилизировалась, но это была только видимость. Ялтинская система международных отношений могла, затянув вожжи, на некоторое время отсрочить конфликт, но стоило вожжам ослабнуть – и лошадь понесла. Межэтнический конфликт на Балканах все это время продолжал существовать на уровне конфликта «великих идей». Основы этого конфликта были заложены еще самыми первыми «великими идеями», затрагивавшими

⁷ См., напр.: Волков В. Положение в Косово и будущее Балкан // Молодежь Эстонии. № 179. 07.08. 2000.

интересы соседних народов, а каждая новая только подливала масла в огонь. На первых порах это было еще не так заметно: балканские народы объединяла общая цель борьбы с османскими завоевателями, а вопрос о дележе османского наследства в Европе до поры до времени отодвигался на второй план. Поэтому в 1821 г. греки могли поднять антитурецкое восстание в Дунайских княжествах, а на территории самой Греции против турок сражались сербы и болгары.

Геополитическая ситуация на Балканах начинает кардинально меняться в последней трети XIX в. в связи с ускорением процесса создания национальных государств на территории Европейской Турции. И тут между бывшими соратниками возникают первые трения, нашедшие наиболее яркое выражение в греко-болгарском церковном конфликте (1870). В результате распространения великодержавных идеологий в правящих элитах уже к началу Первой мировой войны значительные территории балканского региона попали в сферу перекрестных притязаний сразу двух, а то и более государств. Так, на Македонию претендовали Сербия, Болгария и Греция, на Восточную Фракию – Болгария, Греция и др. Соперничество на этих землях в условиях невозможности открытого военного конфликта приняло характер широкомасштабной партизанской войны на территории Османской империи, получившей название Борьбы за Македонию (1904–1908).

Интересно отметить, что конфликт «великих идей» проявился не только в споре за определенные территории, но и в оспаривании друг у друга различных элементов, на которых строится идеология. В их числе – исторические выкладки, топонимика, политическая символика, этническая принадлежность населения спорных районов.

Так, каждая «великая идея» стремится удревить свою национальную историю. Если современные греки отождествляют себя с ахейцами и минойцами, то албанцы противопоставили этому тезис о том, что они являются потомками племен, называемых в античных источниках пеласгами, и, следовательно – древнейшим населением Балкан⁸. Другими претендентами на роль пеласгов были названы болгары: один из болгарских последователей «метода» Фоменко И. Табов с помощью хитрых манипуляций с буквами вывел тождество «пеласги = болгары». Согласно его версии балканской истории получается, что болгары участвовали в Троянской войне, название горы Олимп имеет болгарское происхождение и т.п.⁹

Помимо исторически зафиксированных «национальных» топонимов (греч. – Фессалоники, тур. – Селаник, болг. – Солунь) создаются новые: Дедеагач в честь Александра Великого стал Александруполем, а на карте Великой Албании появилось название Çatëpa, которое якобы древнее, чем греческое «Эпир». В 1992 году Греция отказалась признать отделившуюся от Югославии республику Македония с таким названием: греки сразу почувствовали потенциальную угрозу лишиться одноименной области своей страны.

⁸ <http://www.albanian.com/main/history>

⁹ Табов И. *Падането на Стара България*. – София, 1997.

Яблоком раздора становятся и политические символы: заимствованного у греков двуглавого орла албанцы поместили на свой государственный флаг, а использование в государственно-политической символике македонцев так называемого македонского солнца (16-конечная звезда царя древней Македонии Филиппа II) вызвало бурю протеста среди греков, усмотревших в этом посягательство на национальную историю¹⁰.

«Великие идеи» оспаривают друг у друга право на обладание определенными территориями не только в настоящее время, но и в исторической перспективе, подобно тому, как некогда семь греческих полисов оспаривали право называться родиной Гомера. Например, на область Сули в Эпире, ставшую легендарной частью греческой национальной истории, высказала претензии также албанская национальная история, а герой греческой национально-освободительной революции 1821 г. Маркос Боцарис был объявлен борцом за независимость Албании¹¹. При этом обходится стороной маленькое противоречие: освободительное движение в Сули было подавлено Янинским пашой Али Тепеленой, который также считается албанским национальным героем. Албанская национальная история стремится отвоевать у греков и более древних персонажей. Она, например, настаивает на албанском происхождении Александра Великого. Внушив данный тезис международному общественному мнению, можно было бы не только оспорить право греков на обладание Македонией, но и поставить под сомнение греческие корни эллинистической культуры, сформировавшейся в результате завоеваний Александра. Впрочем, эта попытка «обратить» Александра Македонского в собственную национальность уже не первая: еще западнославянская историческая традиция эпохи Возрождения считала его славянином¹².

Еще один пример такого рода – болгаро-македонский спор о Внутренней Македонской Революционной Организации (1893–1934). Болгарская сторона утверждает, что эта организация была создана болгарами и боролась за укрепление болгарского национального самосознания в Македонии и последующее ее объединение с Болгарией¹³. В свою очередь, македонская сторона настаивает на том, что вся история этой организации свидетельствует о ее македонском национально-освободительном характере, что ее основателями были этнические македонцы, стремившиеся к созданию независимого македонского государства¹⁴.

Недавно среди культурных «оснований» национальной идеи появилось еще одно новшество: это попытка воссоздания национальной религии на основе языческих верований. Примечательно, что мода на реанимированный политеизм, занесенная на Балканы из Западной Европы примерно два десятилетия назад, шире всего распространилась в Греции, которая единственная к тому времени была интегрирована в Европейское Сообщество. Поскольку неоязычники считают

¹⁰ Подробнее об идеологическом наполнении национально-политической символики у греков см.: Петрунина О. Е. «Великая идея» в греческой национально-политической символике // Греция: национальная идея, общество, государство. XVII–XX вв. – М., 2002. – С. 113–140.

¹¹ http://home.tiscalinet.be/xhardo/cameria_index/history_of_cameria.htm

¹² Мылдыков А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. – СПб., 2000. – С. 87–88.

¹³ <http://www.vmro.org/>

¹⁴ Христов А. Создание на Македонската държава. 1893–1945. – Скопје, 1971.

себя единственными носителями подлинной греческой традиции и культуры, то можно рассматривать их движение как одну из форм реакции на процессы культурной гомогенизации в Единой Европе. Первоначально неоязыческие организации существовали в виде историко-культурных обществ, но в начале 1990-х годов началось движение по их объединению, которое завершилось к 1997 году созданием Высшего совета греческих язычников. Среди программных пунктов этой организации, противопоставляющей себя не только Православной Церкви, но и государству – заявление о том, что уже 22 столетия греческая нация находится под иностранным игом и нуждается в девиантинизации и реэллинизации¹⁵.

¹⁵ <http://www.ysee.gr>

В Болгарии возвращение к язычеству приняло формы поклонения древнеболгарским (тюркским) божествам во главе с Тангрой. Культ Тангры напрямую связывается с идеей возрождения Великой Болгарии и поддерживается некоторыми националистическими организациями. Среди них можно назвать движения «Воины Тангры», «Тангра и Великая Болгария», посланником Тангры называет себя общественный деятель и журналист Йоло Денев. Таким образом, возрождение языческих культов и в Греции, и в Болгарии можно расценивать как попытку переосмысления собственной национальной идентичности, важнейшей компонентой которой традиционно было Православие.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. на Балканах произошли важные изменения, вызванные распадом мировой социалистической системы. Эти изменения затронули всех северных соседей Греции – Албанию, Болгарию и Югославию – и придали новый импульс традиционному греко-турецкому соперничеству. Самый факт падения социалистических режимов и связанный с ним экономический кризис в названных странах сделали возможным для более благополучных соседей проникновение на их рынки и широкую экономическую экспансию. Однако уже в первые годы после крушения социализма возникла угроза стабильности политических границ на Балканах: утрата Советским Союзом роли сверхдержавы автоматически повлекла за собой крушение ялтинской системы международных отношений, полвека обеспечивавшей стабильность политических границ в Европе.

Очень тяжелая экономическая обстановка сложилась в Албании после падения режима Э. Ходжи. Драматизм ситуации был обусловлен тем, что в результате добровольной изоляции Албания оказалась лишенной не только передовых западных технологий, но информационной и экономической поддержки даже социалистических стран. Поэтому отставание страны в различных областях хозяйства оказалось огромным. После падения «железного занавеса» неконкурентоспособные албанские предприятия стали массово закрываться, выбросив на улицу трудоспособное население. В условиях социальной нестабильности, вызванной экономическим кризисом, политический режим в стране начал медленно эволюционировать.

На политическую обстановку в стране оказывали влияние и другие факторы, среди которых особо отметим национальный и конфессиональный, причем второй оказался самым тесным образом связанным с первым. В приграничных районах, особенно на юге и юго-востоке страны проживает смешанное население – албанское, греческое и славянское, причем в исторической области, называемой греками Северным Эпиром, греческое население в начале 1990-х гг. составляло большинство. Большие греческие общины имелись также и в других частях страны, прежде всего в Тиране и Дурресе. После падения «железного занавеса» контакты этнических греков со своей исторической родиной стали гораздо более тесными, последняя же стала различными средствами воздействовать на активизацию их национального самосознания. Активисты греческого национального движения всерьез стали рассматривать вопрос о казавшейся уже навсегда утраченной возможности присоединения к Греции Северного Эпира. Среди национальных меньшинств особое положение занимают вlahи: сами по себе они не являются «пятой колонной» ни одной из соседних стран, но сохранение православного вероисповедания сблизило их с греками, под контролем которых находится Албанская Православная Церковь.

Уникальная религиозная ситуация, сложившаяся в постсоциалистической Албании повысила роль конфессионального фактора в политической жизни. После прекращения борьбы с религией в стране не только стали набирать силу традиционные религиозные общины, но и появились новые западные христианские и околохристианские течения. Важной новостью в религиозной жизни страны стало желание многих мусульман принять христианство, вызвавшее соперничество между различными направлениями христианства в борьбе за их души. Большие возможности здесь открылись и перед Албанской Православной Церковью, однако правительство к ее деятельности отнеслось весьма настороженно, видя в ней, и не без оснований, агента влияния Греции. В таком качестве Албанская Церковь без стеснения рассматривается и в самой Греции. Например, при перечислении комплекса мер, необходимых для укрепления греческих позиций в Албании, особо отмечается необходимость материальной поддержки Православной Церкви, которая «располагая большими средствами, могла бы принести огромную пользу и в области национальных отношений»¹⁶. Напомним, что Православная Церковь в Греции традиционно рассматривалась как носитель и распространитель греческого национального самосознания, а поскольку Албанская Церковь находится под контролем греков и возглавляется греком, то и от нее резонно ожидать того же. Действительно, деятельность Албанской Церкви выходит далеко за пределы чисто конфессиональной: она организует изучение греческого языка, а при храмах функционируют школы, в которых детям преподается словесность и история по греческим школьным учебникам. Таким образом Церковь приобщает к гречес-

¹⁶ Γαρούφαζ Δ.
"Οραμα και
στρατηγική για τον
ελληνισμό στα
Βαλκάνια. –
Θεσσαλονίκη,
1996. – Σ. 125.

кой культуре не только этнических греков, но и православных албанцев и влахов.

Болезненная реакция албанского правительства на просветительскую деятельность Церкви вполне объяснима в свете постоянно растущего влияния Греции на албанскую экономику и политику. Греция умело воспользовалась крушением албанской экономики, чтобы обосноваться на албанском рынке и привязать к себе обнищавшего соседа: драхма заняла в Албании примерно то же место, что рубль в странах бывшего СССР, а наплыв албанских гастарбайтеров в Грецию приобрел такие масштабы, что радикально изменил ситуацию на строительном рынке последней – в стране начался строительный бум из-за значительного удешевления рабочей силы в этой отрасли. Основным орудием вмешательства Греции в политическую жизнь Албании стало греческое население последней, которое стало предъявлять претензии на особую роль в политической жизни. Под предлогом защиты прав национального меньшинства Греция стала оказывать давление на Албанию через международные правозащитные организации.

Таким образом для Албании открылась далеко не блестящая перспектива стать экономическим придатком Греции, да еще потерять при этом южные территории. Реакция на сложившуюся ситуацию была двоякой. С одной стороны, правительство стало принимать меры по снижению греческого влияния в Северном Эпире и ограничению греческой экономической и политической экспансии в других районах страны. Тактика, которую взяло на вооружение албанское правительство не отличается оригинальностью. В целях борьбы с греческим национальным движением в Северном Эпире правительство стало поощрять переселение мусульман в южные районы страны, одновременно всячески подталкивая к эмиграции этнических греков: если греки перестанут составлять большинство в Северном Эпире, вопрос о предоставлении этой территории автономии будет иметь гораздо меньше оснований. Создаются также препятствия для греческих инвестиций в албанскую экономику, а на официальном уровне правительство старается не заводить слишком тесную дружбу с Грецией, ограничиваясь прохладными отношениями.

С другой стороны, следствием общей социальной нестабильности, а также ответной реакцией на греческую экономическую и политическую экспансию стал всплеск албанского национализма, поддержанный США. Национальная идеология в форме возрожденной идеи Великой Албании находила все больше приверженцев как среди албанского (по преимуществу мусульманского) населения самой метрополии, так и у представителей албанских меньшинств в соседних странах. Прямым следствием возросшей политической силы албанской национальной идеологии стали вооруженные конфликты в Косово, а затем в Македонии, развязанные албанскими националистами. Заявленное последними требование об автономии недвусмысленно имеет

в виду постановку в будущем вопроса о присоединении этих территорий к Албании.

Перед греками, некоторое время с беспокойством наблюдавшими за развитием «албанского вопроса»¹⁷, в свою очередь замаячила перспектива стать очередной пострадавшей стороной в попытках его «решения» Западом. К концу 1990-х годов албанские иммигранты в Греции начинают вести себя все более агрессивно, многие из тех, кто приехал под видом греков-вориозепиротов, отказываются от греческих имен и открыто примыкают к албанской общине¹⁸. Одновременно в ответ на претензии греков на Северный Эпир, албанцы начинают идеологическую подготовку требования автономии Южного Эпира, где осело большинство иммигрантов: ему дается албанское название Çamëria, создается албанская версия его истории¹⁹. Но притязания «великоалбанцев» не ограничиваются Эпиром: они ратуют за воссоединение всех албанцев, в том числе и арванитов, рассеянных почти по всей континентальной Греции. Несмотря на то, что последние к настоящему времени практически полностью ассимилированы греками, делаются попытки представить их как албанскую этническую группу, обладающую, в частности, собственным языком – якобы одним из диалектов албанского²⁰.

В попытке своего практического воплощения великоалбанская идея натолкнулась не только на препятствие в виде легитимных политических границ, к которому в принципе была готова, но и на гораздо более серьезное препятствие в виде национальных идей своих соседей, каждый из которых мечтает о создании на Балканах великой Греции, Болгарии, Сербии или Македонии. С помощью СМИ, школьного образования и других средств идеологического воздействия современные версии национальной идеи стали внедряться в умы населения. В результате к 1990-м годам для представлений балканских народов друг о друге стали характерны конфронтационные и негативные взгляды на своих соседей²¹. Таким образом в конце XX – начале XXI в. на Балканах мы можем наблюдать очередной конфликт «великих идей» (в их географическом понимании).

Первой жертвой этого конфликта стала Югославия. Надо сказать, что в самой Югославии предпосылки конфликта с соседними государствами на национальной почве вызревали уже давно, и лишь гарантированная двумя сверхдержавами система государственных границ в Европе не позволяла скрыто протекавшим процессам вылиться на поверхность. Помимо косовских (а впоследствии аналогичным образом и македонских) албанцев, уже ставших эпицентром открытого конфликта великосербской и великоалбанской идей, туго затянутого боснийского узла противоречий и спровоцированного великохорватской идеей геноцида сербов в Крайне, на территории бывшей союзной Югославии тлеет еще по крайней мере один вулкан.

Напомним, что в результате произведенного в ходе двух Балканских и Первой мировой войн раздела Македонии Королевство Сер-

¹⁷ В отечественной периодике на данный «вопрос» есть разные точки зрения, позиция их выразителей объясняется не поиском исторической истины, а политической ориентацией. Симпатизирующую албанцам точку зрения см.: Задохин А. Истоки албанского национализма // http://www.nasledie.ru/oboz/N04_01/4_07.HTM; Более аргументированная и объективная подача материала: Павлов А. История Великой Албании // Монитор. Нижегородский бизнес-ежедневник. № 40. 15–21. 10. 2001.

¹⁸ Η Δράσις μαζ. Τεύχ. 394. – Δεκεμβριός 2001. – Σ. 400.

¹⁹ http://home.tiscalinet.be/xhardo/cameria_index/history_of_cameria.htm

²⁰ http://home.tiscalinet.be/xhardo/cameria_index/arvanites.htm

²¹ Улурия А. А. Балканские народы друг о друге. явные страсти и тайные чувства в конце XX века // Общественные науки и современность. 1999. № 4. – С. 79.

бов, Хорватов и Словенцев приобрело вторую по величине ее часть – Вардарскую Македонию²², которая после Второй мировой войны получила статус отдельной республики в федеративном югославском государстве. Сам факт образования внутри Югославии республики с таким названием тогда не встретил сопротивления со стороны греческого государства, а международному сообществу была представлена новорожденная македонская нация, которую от других южнославянских народов отличало наличие собственного языка.

Но греки македонской нации не признали, а славянское население своей страны назвали славяноязычными греками²³ и уже в 1920-е приняли ряд мер, способствующих его культурной ассимиляции. По ту сторону границы югославские власти приступили к славянизации грекоязычного населения (каракачан и грекоманов), проживавшего по преимуществу в южной части республики Македония. В послевоенный период главной целью подобной политики было желание и Греции, и Югославии сохранить за собой приобретенную часть Македонии и уберечь ее от посягательств соседей. В ходе проведения этой политики национальные меньшинства по обе стороны границы подверглись репрессиям вплоть до заключения в тюрьмы и концлагеря, а часть каракачан уже в 1960-е гг. получила возможность переселиться в Грецию. В результате к тому моменту, когда республика Македония заявила о своем выходе из Югославии, грекоязычного населения в ней практически не осталось. Очень сильно сократилось и славянское население в Греции, но о его наличии косвенно свидетельствуют результаты выборов в Европарламент 1999 г., когда 5 тыс. человек отдало свои голоса за партию македонского меньшинства «Радуга».

Вопрос о признании Грецией такого меньшинства был сразу же поставлен новоявленным македонским государством, существование которого греческое правительство вынуждено было признать, но отказалось признавать его самоназвание, именуя его Скопье – по названию столицы. В самой Греции вынос на повестку дня «македонского вопроса», порожденного распадом Югославии, вызвал острейшую реакцию общества и повлек за собой политический кризис, сопровождавшийся падением консервативного правительства «Новой демократии»²⁴. Отношения между Грецией и республикой Македония несколько потеплели после заключения временного соглашения в Нью-Йорке (1995), которое, однако, оставило нерешенным вопрос о названии македонского государства. В 1998 г. Грецию впервые посетил министр иностранных дел Македонии. Данный факт, казалось бы, свидетельствует о нормализации двусторонних отношений, однако в то же самое время в одном из официальных выступлений президент Глигоров вновь высказал претензии на название «Македония» без всяких компромиссов и потребовал признания македонского меньшинства в Греции²⁵.

Таким образом, греко-македонские противоречия во вновь обострившемся македонском вопросе могут привести к попытке нового

²² В настоящее время территория исторической Македонии распределена следующим образом: 51,5% принадлежит Греции, 37,5% – Бывшей югославской республике Македонии, 9,5% – Болгарии и 1,5% – Албании.

²³ Обоснование этой позиции см.: Χολέβαζ Γ. Οι Έλληνες σλαβοφωνοί της Μακεδονίας – Αθήνα, 1999 – Σ. 171–257.

²⁴ Подробно развитие событий изложено в: Roudometof V. *Nationalism and Identity Politics in the Balkans: Greece and the Macedonian Question* // *Journal of Modern Greek Studies*. 1996. – Vol. 14.2. – P. 258–261.

²⁵ Kofos E. *Greece and FYROM: Recent Developments and Prospects for Bilateral Relations* // <http://www.ciaonet.org/frame/oljourfrm.html>

передела исторической Македонии. Но участников дележа может быть больше – это также Албания и Болгария, а может быть, даже и Турция. Идейная подготовка такого передела была уже в первой половине 1990-х годов начата в научных и околонучных публикациях по македонскому вопросу²⁶, а потом продолжена националистическими организациями заинтересованных стран. В частности, уже в конце 1980-х – первой половине 1990-х годов в Болгарии и югославской республике Македония возникли организации, включившие в свое название аббревиатуру ВМРО (Внутренняя Македонская Революционная Организация) и объявившие себя наследниками ВМРО, действовавшей на территории исторической Македонии (1893–1934). Но, несмотря на общность названия, цели их прямо противоположны: македонская ВМРО изначально стремилась к обретению и сохранению независимости, а в перспективе – и к объединению всех территорий исторической Македонии в одном македонском государстве, тогда как ВМРО болгарского извода ставит целью развитие болгарского самосознания у населения исторической Македонии, а также Фракии, Добруджи и Поморавья.

Международное признание нового государства было обусловлено не только его предшествующим существованием в качестве единицы югославского федеративного государства, но и большой работой по оформлению македонской нации и обеспечению ее международного признания, проделанной македонцами за предшествующие десятилетия. Уже в 1920-е годы в Европе издавалось несколько македонских периодических изданий на английском, французском и немецком языках. В послевоенный период большую работу в этом направлении вел созданный в Скопье Институт национальной истории. Особенно актуальной задача национальной консолидации стала после выхода Македонии из состава единой Югославии в 1991 г., когда новорожденное государство, неоднородное в этническом отношении стало, к тому же, испытывать политическое и идеологическое давление со стороны своих соседей, желающих приобрести новые или хотя бы сохранить старые территории исторической Македонии. Последнее обстоятельство вызвало обоснованное беспокойство македонцев. Македонская периодическая печать 1990-х годов наглядно демонстрирует негативное и настроенное отношение практически ко всем соседям по полуострову²⁷, македонская нация ощущает себя живущей во враждебном окружении.

Однако сами македонцы вели себя далеко не безобидно по отношению к соседям. Со стороны македонских националистических организаций, например, ВМРО-ДПМНЕ (Демократическая партия македонского единства), раздавались призывы к объединению всех македонских территорий в единое государство, а македонское правительство объявило, что считает утратившим силу Бухарестский мирный договор (1913) в связи с созданием независимого македонского государства²⁸. Поскольку Бухарестский договор закреплял раздел исторической Македонии между Грецией, Сербией и Болгарией, то от-

²⁶ См., напр. Mazower M. *Introduction to the Study of Macedonia // Journal of Modern Greek Studies*. 1996. – Vol. 14.2. – P. 229–235 и упомянутые в этой статье публикации.

²⁷ Hristova L. *Balkan Prejudices in the Macedonian Press // Balkan Neighbors*. Newsletter. 1994. № 1. – P. 3–35.

²⁸ Roudometof V. *Op. cit.* – P. 267–268.

каз от него автоматически открывал дорогу пересмотру границ и территориальной экспансии.

Решению задачи национальной консолидации должны были способствовать новые школьные учебники по истории и географии. Проанализировав 12 новых македонских учебников, изданных в 1992–1993 гг., греческий историк Э. Кофос пришел к выводу, что урок истории в македонской школе выполняет не только образовательные и информационные функции, но также закладывает фундамент в продвижении доктрины «Македонизма»²⁹. Под таковым следует понимать всего лишь историко-географическое обоснование существования македонской нации, но греческого историка и это уже пугает. Утверждения македонских учебников о том, что территория исторической Македонии в 2,5 раза обширнее территории нового государства, а представители македонской нации проживают также и в соседних государствах, внушают Э. Кофосу опасения за судьбу Эгейской Македонии³⁰, составляющей ныне треть территории Греции. Эти опасения подтверждаются стремлением авторов учебников внушить подрастающему поколению представления о том, что с этно-культурной точки зрения греки не имеют к македонцам никакого отношения: например, македонские авторы ставят под сомнение версию о греческом происхождении самого названия «Македония»³¹. Иными словами, по мнению Э. Кофоса, македонские авторы пытаются македонизировать греческое (а также сербское и болгарское) историческое наследие. Однако нетрудно заметить, что вся аргументация греческого историка строится в рамках той же национально-идеологической парадигмы и следует тем же «правилам игры». В своих построениях он исходит из постулата об этнической, географической и культурно-исторической «греческости» исторической Македонии, который столь же недоказуем, как и тезис о ее «македонскости». Что же касается греческих учебников, то они излагают историю, к примеру, древней Македонии в одном ряду с историей других греческих государств³², даже не упоминая тот факт, что уже в древности не было однозначного ответа на вопрос, считать ли македонцев греками.

Одной из первых македонское государство признала Болгария, и это не случайно: многие ведущие посты в Скопье заняли люди про-болгарской ориентации, взявшие курс на установление крепкой дружбы с Болгарией. В самой же Болгарии в связи с этим всерьез стал рассматриваться вопрос о включении нового и более слабого соседа в сферу своего экономического и политического влияния. Но македонские лидеры вовсе не затем добивались независимости и проявления болгарского высокомерия вызывали немедленную реакцию Скопье. Так, в 1992 г. македонское правительство направило болгарам ноту протеста в связи с тем, что во время переписи населения в Болгарии в перечне национальностей, содержащемся в опросном листе, отсутствовала македонская национальность и македонцам предлагалось записываться в графу «другие».

²⁹ Kofos E. *The Vision of «Grater Macedonia»*. – *Thessaloniki*, 1994. Цит. по: <http://uranus.eng.auth.gr/new/eng/macedonia/kofos/>

³⁰ Kofos E. *Op.cit.*

³¹ *Ibidem.*

³² См., напр.: Μελαζ Δ. (επ.) *Στα αρχαία χρόνια. Ιστορία Δ δημοτικού*. – Αθήνα, 1988. – Σ. 182–207.

Столь острая реакция на, казалось бы, малозначительный пункт вынесла на поверхность как македонско-болгарские противоречия в вопросе о меньшинствах, так и латентные территориальные претензии: в свое время Болгария стала третьим участником раздела Македонии и получила наименьшую ее часть – Пиринскую Македонию. В самой Болгарии рост влияния национальной идеологии титульной нации в постсоветский период был обусловлен целым рядом факторов. Во-первых, это сложное экономическое положение, в котором оказалась страна на закате социализма, и вызванная им дестабилизация обстановки в обществе. Во-вторых, это смешанный религиозный и национальный состав населения. Последнее обстоятельство стало как козырная карта разыгрываться соседними государствами. Турецкие политики поставили своей целью взять под контроль все мусульманское (турки, помаки, кызылбаши), а также довольно значительное цыганское население страны. Греция и Македония заговорили о гораздо менее многочисленных греческом и македонском меньшинствах.

В этих условиях Болгария вынуждена балансировать между своими соседями, делая ставку в первую очередь на Грецию, а затем на Македонию, которую болгарское правительство замыслило сделать объектом своего влияния. Наличие значительного мусульманского меньшинства диктует необходимость поддержания хороших отношений и с Турцией. И все же в качестве стратегического партнера на Балканах была избрана Греция, с которой у болгар были достаточно равные отношения и в предшествующие десятилетия. На этот выбор повлияли не только и не столько историческая и конфессиональная близость греческой и болгарской наций, сколько худо-бедно урегулированный территориальный вопрос и возможность использовать Грецию в качестве «моста» в Европейское Сообщество, единственным членом которого на Балканах она является. Действительно, вторая Балканская война лишила Болгарию большей части ее завоеваний во Фракии и Македонии, а последовавший в 1920-е гг. греко-болгарский обмен населением в значительной мере стабилизировал ситуацию в приграничных районах. Попытка же болгар вернуть чаемые земли во время Второй мировой войны окончилась неудачей.

В современных условиях попытка тягаться с греками за эти территории выглядит чистой утопией, тем более что на повестке дня стоит реальная угроза турецкой экономической и политической экспансии, которая может обернуться межнациональными конфликтами и территориальными потерями. Таким образом, уже в начале 1990-х и в Греции и в Болгарии заговорили о создании оси Афины – София, болгары даже пошли на (полуофициальное) признание греческого национального меньшинства. Но довольно быстро эта дружба стала омрачаться и некоторым расхождением геополитических интересов: в Афинах были очень недовольны готовностью болгар признать македонское государство.

Кроме того, сдержанность правительства в Болгарии разделялась далеко не всеми. В течение последнего десятилетия XX – начала XXI в. в стране наблюдался бурный рост патриотических и националистических организаций. В это время появились Студенческое национальное движение «Великая Болгария», движение «Воины Тангры», Союз болгарских общин и др. Часть из них образовали Совет патриотических организаций Болгарии. Что касается численности и политического влияния этих организаций, то по данным ВМРО – Болгарского национального движения, в его состав входит около 30 тыс. чел. На муниципальных выборах 1999 г. движению удалось собрать почти 6% голосов по всей стране, 123 его представителя были избраны муниципальными советниками, а в Благоевграде и Кюстендиле члены ВМРО возглавили муниципалитеты.

В новых геополитических условиях, когда северные соседи Греции перестали выступать единым блоком и Греция уже не рассматривалась как бастион западной демократии у южных границ коммунизма, наиболее опасным соперником для нее вновь стала Турция. Подогретое открывшимися возможностями, вековое соперничество двух стран вступило в новую фазу.

Турция в конце XX в. стала наиболее быстро развивающимся с экономической точки зрения государством в регионе. Экономический подъем, сопровождающийся быстрым ростом численности населения, позволил турецким политикам поставить вопрос о своей гегемонии на Балканах. При этом основной соперник турок – Греция – имел одно важное преимущество: членство в Европейском Сообществе, дорога в которое стала весьма привлекательной для бывших соцстран. Кроме того, для реализации некоторых проектов греки имели возможность привлекать не только собственные средства, но и ресурсы своих более богатых европейских союзников. Однако это преимущество могло обернуться и недостатком: возможности экономической экспансии греков в регионе оказались ниже турецких в силу более высоких налогов, установленных Евросоюзом для экспорта в третьи страны. Между тем, ставка налогообложения для турецких экспортеров оказалась гораздо ниже и в результате турецкие товары буквально наводнили рынок соседних стран – ситуация, хорошо знакомая также и российскому жителю. Решающего поражения грекам помогла избежать традиционная финансово-торговая активность греческого капитала. Например, в Болгарии уже в середине 1990-х гг. греческие инвестиции заняли второе место после немецких.

С другой стороны, турки нашли альтернативу и европейскому покровительству начинаниям греков, заручившись поддержкой США. Последние приняли на этот раз сторону Турции, желая, как это не раз бывало и прежде, сохранить установившийся на Балканах баланс сил и не допустить чрезмерного усиления одной державы. Помимо финансово-экономической и внешнеполитической поддержки турецких интересов, американцы стали предпринимать попытки непосред-

редственного вмешательства и во внутривнутриполитический процесс. Так, например, за этим занятием они были пойманы с поличным в 1994 г. в Болгарии, когда два американских дипломата совершали инспекционную поездку по территориям с преимущественно мусульманским населением и вступали в контакты с активистами турецкого меньшинства. Болгарская пресса расценила эти действия как политику создания единого турецкого ядра на территории Южной Болгарии и Северной Греции, подконтрольного непосредственно Турции, и следовательно, дающего возможность использовать его как средство международного давления³³.

³³ Телеграмма Македонского Агентства Новостей из Софии от 16.02.1994 г.

постарались максимально использовать открывшиеся им с падением социализма возможности. Играя на национальных противоречиях, Турция попыталась добиться присвоения мусульманским меньшинствам, имеющимся во всех балканских государствах, статуса турецких этнических меньшинств. И в ряде случаев ей это удалось. Если греческие официальные круги всячески этому сопротивляются, то, например, болгарское правительство не только признало турецкое меньшинство, но и пошло на создание для него особо благоприятных условий культурного развития. В Болгарии открылись турецкие школы, для этнических турок правительство Турции выделило ежегодные стипендии для обучения в своих вузах, болгарские турки получили возможность слушать радио и смотреть телевизор на своем языке. Для сравнения отметим, что греческая экономическая экспансия в Болгарии не сопровождалась столь мощной культурной экспансией с очевидным проигрышем в политическом влиянии в качестве результата.

Но этим дело не ограничилось. В целях укрепления своего влияния в Родопях и Западной Фракии, где проживает значительное мусульманское, но не всегда турецкое население, турецкое правительство стало использовать экономические рычаги для стимулирования переселения в эти места этнических турок с севера Болгарии (район Варны). Вторым направлением этой политики стала тюркизация местных мусульман. На территории Греции под бдительным оком греческого правительства тюркизация пошла преимущественно по информационно-идеологическому пути – рассылка информационных материалов, выделение стипендий для студентов, упрощение процедуры посещения Турции.

Однако в последнее время активисты турецко-мусульманской общины, поддерживаемые правительством Турции через посредничество консульства в Комотини, значительно расширили свою политическую деятельность. В частности, они стали выдвигать требования отстранить греческое государство от назначения муфтиев и имамов (несмотря на то, что в Турции они также назначаются государством), а также ввести в провинции Родопи турецкий язык в качестве государственного. Кроме того, в провинциях Ксанфи и Родопи они пытаются бойкотировать школьное обучение по книгам, выпускаемым гречес-

кой Организацией по изданию учебной литературы на турецком языке, и не допустить к преподаванию выпускников греческих университетов. Все эти действия, а также организация в этих провинциях торжественных мероприятий по поводу турецких государственных праздников вроде Дня турецкого учителя или годовщины смерти Ататюрка квалифицируются греками как «психологическая война Анкары за Западную Фракию»³⁴.

В Болгарии тюркизация приняла гораздо более агрессивные формы. Протурецкая политическая партия Ахмета Догана «Движение за права и свободы» организовала настоящий террор в южных районах страны, заставляя местных помаков учить чужой для них турецкий язык и декларировать во время переписи населения свою этническую принадлежность как турецкую. Однако пока эти действия из-за сопротивления помацкого населения не принесли ожидаемых результатов, а обнародование информации о них вызвало ответное использование в политической практике болгарской национальной идеи.

Более удачной оказалась политика Турции в отношении болгарских цыган – второго по численности этнического меньшинства в Болгарии. Правовая поддержка цыганского меньшинства, а также материальная помощь, позволившая цыганам взять под контроль не только болгаро-турецкое, но и другие направления торговли, сделала их верным агентом турецкого влияния. В целом, действия турок в Болгарии вызвали законные опасения и в Греции. Так, специалист по проблемам греческой диаспоры на Балканах Д. Гаруфас писал, что для греков фракийский вопрос не должен ограничиваться пределами греческой Фракии, в которой наметились тревожные тенденции убыли христианского населения³⁵, по его мнению необходимо также принимать во внимание и изменения, происходящие в этническом составе населения Южной Болгарии, поскольку тюркизация региона способна в недалеком будущем повлечь за собой постановку вопроса о предоставлении ему политической автономии.

И все же, новый конфликт «Великих идей» на Балканах не привел к политической и культурной самоизоляции балканских народов. В большинстве случаев национальные идеи не ограничиваются созданием образа врага, но формируют также и представления о друзьях. При этом образы друзей и врагов не остаются неизменными: в зависимости от политической конъюнктуры вчерашние враги превращаются в друзей и наоборот. Например, с началом войны в Боснии и Герцеговине отношение к сербам в Болгарии стало более лояльным, стала больше цениться этническая и конфессиональная близость болгар и сербов³⁶. Аналогичным образом в греческое общественное мнение с началом гражданских войн в Югославии приняло сторону сербов как гонимого мусульманами и Западом православного народа.

Иногда приходится наблюдать еще одно любопытное явление – несоответствие мнений о друзьях и врагах у политической элиты и общественного мнения. Например, даже далекая от политики греческая

³⁴ Το Τουρκικό Προξενείο Κομοτηνής και οι Παντουρκιστές της Δ. Θράκης: «Έργα και Ημέρα» // Η Δράσις μας. Τεύχ. 397. Μάρτιος 2002. – Σ. 110–111.

³⁵ Только за 1991 г. христианское население Фракии сократилось на 3–4% за счет массовых миграций в крупные города и за рубеж.

³⁶ Улуянян А.А. Ук. соч. – С. 81.

печатать болезненно отреагировала на заявление премьер-министра К. Симитиса о том, что Турция вполне достойна занять место в Евросоюзе³⁷. Иными словами, общественное мнение в своих представлениях оказывается более консервативным, чем политики, и благожелательное отношение к туркам у представителей власти, продиктованное соответствующей международной ситуацией, не в состоянии быстро изменить представление о турках как об исконных врагах греческой нации, свойственное почти всем поколениям нынешних греков. Кроме того, история греко-турецких отношений за последние полтора десятилетия прошла такое количество обострений и примирений, что общественное мнение обеих стран попросту не в состоянии реагировать на все эти изменения. Поэтому и греческие, и турецкие СМИ этого периода характеризует противоречивый взгляд на своего соседа: в моменты обострения межгосударственных отношений антигреческая и, соответственно, антитурецкая пропаганда усиливается.

Несмотря на то, что представления о друзьях постоянно меняются (образ врага в целом более устойчив), сам факт поиска друзей свидетельствует о том, что народы Балкан ощущают угрозу, исходящую не только со стороны своих соседей по полуострову, но и извне. Именно этим объясняется их настойчивое желание объединиться, которое прослеживается со времен появления национальных государств на Балканах и нашло свое выражение в международных договорах, проектах формирования Балканской федерации³⁸.

Стремление к объединению балканских народов стало одним из оснований второго типа «великих идей», которые мы условно назвали цивилизационными. Он не получил такого широкого развития, как географические национальные идеи, но тем не менее нашел выражение в философско-исторических концепциях, государственных идеологиях и политических программах. К этому типу можно отнести панславистские идеи, которые вошли в идеологический фундамент югославянского государства³⁹, идеологию «третьей греческой цивилизации» диктаторского режима И. Метаксаса в Греции и некоторые другие. Цивилизационные «великие идеи» содержат ряд элементов, общих с географическими национальными идеями, но имеют и некоторые кардинальные отличия. Важнейшим отличием цивилизационных «великих идей» от географических являются их надэтнический (суперэтнический) характер и выдвижение в качестве главной задачи построения единого цивилизационного пространства, при этом задачи национально-государственного строительства отодвигаются на второй план. Для цивилизационных идеологий также характерны:

- утверждение общности исторической судьбы и единства государственно-политической традиции балканских народов;
- выделение одной нации в качестве доминанты единой цивилизации;
- представление о единстве веры и культурной традиции как основе цивилизационного строительства;

³⁷ Η Δράσις μαζ. Τεύχ. 409. Μαΐου 2003. – Σ. 199.

³⁸ Первый проект создания федерации балканских народов (при доминирующей роли греков) восходит еще к греческому просветителю Ригасу Велестинлису (1757–1798).

³⁹ Некоторые исследователи видят в югославизме форму «политического национализма». См. напр.: Романенко С.А. Распад Югославии: «зигзаг» или историческая неизбежность? // Политика. 1998. № 2. – С. 161.

– представление о языке как об объединяющем, а не этнодифференцирующем факторе;

– представление о Церкви как о самостоятельном общественно-политическом организме, не подавляемом государством.

Цивилизационные «великие идеи» можно называть национальными с некоторыми оговорками, поскольку, оставаясь в целом в рамках националистического дискурса, они стремятся к его преодолению. Надэтнический характер сближает цивилизационные «великие идеи» с имперскими идеологиями, однако последние делают больший акцент на государственном начале.

Минувшее столетие породило несколько цивилизационных идеологий, большинство из них было создано греками. Стройная философско-историческая концепция на базе цивилизационного подхода к национальной идее была разработана в начале XX века греческим философом Периклисом Яннопулосом. Обосновывая цивилизационный подход к греческой истории, он стремился избавить греков от комплекса национальной неполноценности, внушенного европейскими общественными науками. Опираясь на входившее в моду представление о надвигающемся закате западноевропейской цивилизации, Яннопулос разработал программу действий для греков в этих условиях, которая должна была привести к созданию жизнеспособной цивилизации. Первым этапом преобразований должна была стать духовная революция, призванная очистить национальный дух от чуждых влияний и возродить его подлинно греческий характер. На втором этапе предполагалось создание сильного государства, которое было не самоцелью, а лишь средством построения новой цивилизации планетарного масштаба (третий этап)⁴⁰.

Таким образом в орбиту греческой цивилизации оказывались вовлеченными и другие народы, но путем не территориальной, а культурной экспансии. Важно отметить, что в век широкой популярности расистских взглядов Яннопулос считал значимым не биологические, а культурные различия между народами и допускал возможности аккультурации негреков. Тем самым цивилизационная концепция Яннопулоса возрождала утраченные географической ипостасью греческой национальной идеи представление об экуменическом характере греческой цивилизации, основы которого были заложены знаменитым изречением античного риторика Исократ: греками называют людей, воспитанных в нашей культурной традиции. П. Яннопулос одним из первых греческих теоретиков осознал необходимость для успешной реализации своей концепции придания ей характера массовой идеологии, однако сделать этого не смог. Его концепция осталась на бумаге, и одной из причин этого стало складывание международной обстановки, благоприятной для начала осуществления планов территориальной экспансии, более близких и понятных широким массам (Балканские войны 1912–1913 гг.).

⁴⁰ Γιαννόπουλος Π.
Νέον Πνεύμα //
Γιαννόπουλος Π.
Άπαντα. Τ. 1. –
Αθήνα, 1963. –
Σ. 99–144.

Любопытно, что П. Яннопулос одним из первых греческих философов нового времени противопоставил христианству язычество как один из элементов национального духа⁴¹. Эта часть его учения оказалась удивительно актуальной в конце XX – начале XXI веков.

Духовные искания начала XX века наложили заметный отпечаток на формирование взглядов будущего диктатора Иоанниса Метакаса. Несмотря на обширные территориальные приобретения Греции в 1910-е годы он уже тогда скептически относился к географической форме «Великой идеи». Например, в разгар греческой военной экспедиции в Малую Азию (1919–1922), когда ничто еще не предвещало катастрофы, он записал в своем дневнике, что считает первостепенной задачей не борьбу за территории, а создание новой цивилизации⁴². Впоследствии образ этой цивилизации обрел более конкретные очертания и, придя к власти в 1936 году, Метакас выдвинул программу преобразований, идеологической основой которой стала идея «третьей греческой цивилизации», занявшая в годы диктатуры (1936–1941) место официальной государственной идеологии.

Самой поздней из всех цивилизационных идей появилась ромейская теория. Ее основные положения были сформулированы греческим историком и богословом И. Романидисом (1938–2001) и впоследствии дополнены и развиты его коллегой Г. Металиносом. Ключевым понятием этой теории является понятие ромейскости как формы самоидентификации греков и культурно близких им народов. Ромейскость (от «ромей») – самоназвание граждан Восточной Римской империи – Византии) – это цивилизационная парадигма, сложившаяся в Восточной Римской империи (Романии)⁴³ и объединившая вошедшие в нее народы в единый суперэтнос, который не распался и после османского завоевания, а продолжал существовать вплоть до эпохи образования национальных государств.

Важнейшая цивилизационная компонента ромейскости, кардинальным образом отличающая ее от западноевропейской цивилизации – это огромная роль православной веры и Церкви во всех сферах общественной жизни и прежде всего политической. Речь в данном случае идет не о теократии, а о диархии – двуединстве духовной и светской властей, получившей в литературе название симфонии. Сама по себе концепция оцерковленного государства не нова⁴⁴, однако никогда прежде политическая мысль не ставила своей задачей приспособление ее к современным условиям. По мнению создателей ромейской теории, процесс дробления ромейского суперэтноса – «национальное пробуждение» и формирование национальных государств на Балканах – был следствием не объективных тенденций распада, якобы шедших внутри ромейской общности, а целенаправленной политики некоторых западных держав, стремившихся расколоть полуостров на ряд мелких враждебных друг другу государств, которые можно было легко подчинить своему влиянию.

⁴¹ Γιαννόπουλος Π. 'Εκκλησιᾶς πρὸς τὸ Πανελλήνιον Κοινὸν // Γιαννόπουλος Π. Ἀπαντα. Τ. 1. – Σ. 191–221.

⁴² Μεταξᾶς Ι. Το προσωπικό του ηγερολόγου. Τ. Γ'. 1921–1932. – Αθήνα, 1964. – Σ. 108.

⁴³ И. Романидис расширяет ее и на Западную Римскую империю. См. подр.: Ρωμανίδης Ι. Το προατορικὸν αἰσθημα. – Αθήνα, 2001. – Σ. ιη', κ', κβ'.

⁴⁴ Большой вклад в ее разработку внесла русская дореволюционная византинистика. См., напр.: Курганов Ф. А. Отношения между церковной и гражданской властью в Византийской империи в эпоху образования и окончательного установления характера этих взаимоотношений (325–565). – Казань, 1880; Соколов И. И. О византизме в церковно-историческом отношении. – СПб., 1903.

Но даже процесс интенсивного национально-государственного строительства, далеко зашедший к концу XX века, не похоронил окончательно надежду на восстановление ромейского суперэтноса. Главное условие успешной реализации этого проекта – возвращение к православной духовной и государственно-политической традиции. Что же касается греческой нации, то ей в этом объединении должны быть возвращены доминирующие позиции, т.к. греки традиционно выступали в качестве цементирующего элемента ромейской цивилизации благодаря, прежде всего, своему языку, бывшему языком Церкви, образованности и межнационального общения. Но для этого само греческое общество должно выступить как единое целое, освободившись от раскалывающих его и разрушающих национальную традицию влияний западноевропейской цивилизации.

Опираясь на некоторые положения предшествовавших цивилизационных идей, ромейская теория обосновала свое оригинальное понимание «Великой идеи». По мысли Г. Металиноса, «Великая идея» появилась на свет не в XIX веке, а гораздо раньше, после IV крестового похода (1204), в результате которого Константинополь подвергся катастрофическому разграблению крестоносцами, а часть западных владений империи перешла под власть чуждых ромейской цивилизации правителей. Более широкое распространение «Великая идея» получила после 1453 года и все это время питалась и поддерживалась Церковью. Ее первоначальной сущностью было стремление к восстановлению государственно-политического единства Романии как полиэтнического и суперэтнического государства, а священным городом-символом был Константинополь. Однако в XIX столетии под влиянием идей западноевропейского Просвещения и романтизма произошла смена ориентации «Великой идеи». Теперь она приобрела узконациональный характер и в качестве главной цели наметила строительство греческого национального государства, священным символом которого стали Афины. Эта метаморфоза трактуется также как отказ от византийско-ромейской традиции⁴⁵.

Эволюция ромейской теории пока не окончена. Отдельные ее положения находят отклик и за пределами Греции⁴⁶. Однако шансы превращения в массовую идеологию у нее невелики: большая часть современных греков уже практически полностью интегрирована в ту самую западноевропейскую цивилизацию, которой ромейская теория пытается дать отпор. Кроме того, пока неясно, как ромейская теория сможет потеснить географические национальные идеи своих соседей, которым вряд ли понравится мысль о гегемонии греков в планируемой цивилизации.

Иные принципы были положены в основу болгарской цивилизационной концепции, выдвинутой Союзом болгарских общин в качестве национальной доктрины республики Болгария в XXI веке⁴⁷. Стратегической целью программы является превращение болгарского государства со столицей в Софии в мировой центр болгар по про-

⁴⁵ Μεταλληνοζ Γ. Τουρκοκρατία... – Σ. 110–111, 181.

⁴⁶ См., напр.: Петрушин Ю. Ю. Возрождение Византии: Интернет-проект // Высшее образование в России. 2002. № 2. – С. 116–117.

⁴⁷ <http://members.tripod.com/~ziezi/d>

исхождению, гражданству и самосознанию, поскольку нынешняя Болгария по своему геополитическому положению – «истинный центр евразийской ойкумены». По мнению создателей программы, болгары – это не только нация, проживающая в республике Болгария, а целая антропологическая и языковая группа, болгарский мир (по аналогии с арабским миром), в которую входят отдельные болгарские этносы, народности и нации.

Болгарский мир характеризуется наличием единой общеполитической цивилизации. Важнейшие черты болгарина – наличие комплекса болгарских этногенетических признаков и болгарского самосознания. Этим требованиям, с точки зрения создателей программы, удовлетворяет целый ряд древних и современных народов – от тюркских народностей РФ, до предков древних ирландцев (но из этого перечня исключены турки). Но поскольку значительный ареал расселения болгар ослабил культурные связи между ними, то эти связи должны быть восстановлены с помощью специальной культурно-просветительной политики, направленной на создание единого общеполитического языка как средства межболгарского общения на основе одного из существующих (что не влечет за собой упразднения других языков), а также путем укрепления политических и экономических связей между болгарскими народами.

Авторы этой доктрины стремятся подчеркнуть, что их программа не агрессивна по своему характеру, уважает права человека и предлагает новую модель международных отношений, основанную не на силе, а на разуме и общечеловеческих ценностях. Но, несмотря на эти заявления, в данной концепции присутствует важное истораживающее отличие от цивилизационных идеологий, выдвинутых греками: речь идет о выдвигании на первый план хорошо знакомого своими кровавыми последствиями принципа родства по крови, в свете которого возникает вопрос о судьбе неболгарских народов, которые неизбежно попадают в ареал будущей единой болгарской цивилизации.

Подводя итог современному состоянию национальных идей на Балканах, можно сказать следующее. Вне зависимости от того, что появилось раньше – национальная идея или национальное государство, национальная идея проявила себя как неотъемлемая часть идеологии национального государства на Балканах. Национальное государство нуждается в ней для поддержания своего единства в условиях наличия собственных национальных идей у соседей, посягающих на его территории. Сохраняющаяся этническая неоднородность населения полуострова и проведение межгосударственных границ без учета этой особенности создают проблему меньшинств, которые активно используются активистами национальных движений в качестве «пятой колонны».

К настоящему времени на Балканах существует два типа национальных идей – географические и цивилизационные. Географические национальные идеи рано или поздно принимают экспансионистскую

форму, что автоматически ведет к конфликту с национальными идеями соседей, который, в свою очередь, служит катализатором вооруженного конфликта. В результате географические идеи зарекомендовали себя как тупиковый для государств и народов полуострова путь развития, ведущий к конфликтам, взаимному уничтожению и порабощению сильными мира сего, имеющими на Балканах свои интересы. Цивилизационные идеи в этом смысле более продуктивны, но в настоящее время нет достаточно разработанной идеологии, которая могла бы объединить балканские народы и противостоять политике «разделяй и властвуй», традиционно проводимой сильнейшими мировыми державами в этом регионе.